

Быт и здоровье советского человека

В первую голову воспитательную работу следует развить среди молодежи. Не секрет, что среди некоторой части молодых рабочих, студентов, колхозников вышневки окружены каким-то ореолом модности, а подвыпивший «жоржик», которому сам черт не брат, служит образцом для подражания...

Нередко скука порождает пьянство. В общежитиях молодых рабочих, когда нет кинофильма, хорошей книжки, вечера самодеятельности, волейбольного мяча, бильярда или шахмат, на столе появляется бутылка. А затем — и ругань, и пьяная тасовка, и хулиганство (установлено, что подавляющее большинство хулиганских правонарушений совершается у нас в состоянии опьянения). Пьянот от нечего делать. От неумения расходовать свой заработок. Но «традиция» — это не шахтер (не может)... Не лишние эти традиции не разбираются, не высмеиваются; и главное: мало заботятся комсомольские и профсоюзные организации о досуге молодежи, об устройстве для нее разумных и полезных занятий.

И среди части студенчества, среди некоторых молодых литераторов и актеров, конструкторов и художников имеют хождение гипнотические «теории», что, мол, творческая, незаурядная личность не может не пить... Какой вздор! Захмелевший, раздуванный «творец» глубоко чужд живой интеллигенции, это непродуктивно в ее здоровой среде; и уж, конечно, ничего путного от не создается.

Поучительна в этом смысле история молодого артиста Свердловского театра музыкальной комедии Владимира Чекалина. Способный певец, он быстро завоевал ведущее положение в театре и популяризатор у зрителей. Но пьянство и дебоши снижали ему дурную славу; творческий рост затормозился, а затем Чекалин стал деградировать как актер; публики отворачивается от хмельного «героя»... Нельзя не согласиться с автором фельетона о Чекалине, написанного на днях в газете «Уральский рабочий»: бегство от «премьер» поднимает авторитет коллектива театра.

К сожалению, наши творческие организации (в том числе Союз советских писателей и его местные отделения) мало воспитывают творческую модель, слабо развивают творческую личность, слабо разъясняют творческие проблемы молодежи. Чаще всего только «чрезвычайные происшествия» и персональные дела становятся предметом обсуждения и осуждения.

Да, не создана у нас еще атмосфера резкой общественной непереносимости по отношению к пьянству и пьяницам. Больше того, налицо явная «моральная поддержка» алкоголиков. Она простирается от элементарных бытовых случаев (слуш, что с человека возьмешь — выпивши был...) до своеобразной поэтизации пьянства в пьесах и песнях, кинофильмах и радиопередачах. Непомимо большое место занимают во многих книгах, драмах и комедиях, в кино и на эстраде сцены ширшества и банкетов, застольные песни и тосты. Назовем в этой связи хотя бы роман Ф. Панферова «Волгатская река», пьесу братьев Тур и И. Шарыпа «Семья Духовных» или музыкальную комедию «Самое заветное» с куплетами о... пользе пьянства (авторы текста В. Масс и М. Червигинский). Этому потоку, несомненно, следует создать крепкую преграду.

Всеми доступными способами разъяснять вред алкоголизма — неприменная обязанность всех организаций, ведающих культурно-просветительской работой. Первое слово в этом деле должно принадлежать нашей интеллигенции, всем ее отрядам в городе и на селе. Быть носителям культуры, показывать образцы поведения и воспитывать окружающих, учить молодежь и обличать старое, отжившее — вот задача учителя и врача, художника и актера, агронома и писателя.

Замечательный писатель и педагог А. С. Макаренко говорил: «Вопрос о коммунистическом воспитании наезд не только в порядке политического развития нашей страны, он наезд и в быту, в общественном, будничном самочувствии каждого советского гражданина». Очень правильно сказано! Советские люди кровно заинтересованы в том, чтобы наш светлый быт не омрачался ничем «бесмысленно вредным», в том числе и таким злом, как пьянство. Заботясь о духовной чистоте, о здоровом быте советского человека, мы говорим: выше коммунистическое воспитание масс!

Алтайский хлеб

Третий день наша машина движется по широкому алтайскому маршруту. Вдоль проселочных дорог густой стеной встали хлеба. Пшеница и особенно рожь поднимается так высоко, что «Победа» вся сырывается в них. Хлеба нынче «булькане».

Ветер играет степными низами, гонит по ним волны. Тут и там вспыхивают желтые прямоугольники полей — это массивы, которые созревают раньше других. Машина катится по дороге через поле рослой пшеницы. Стебли ее еще зеленые, а густые, длинные усы, пухляки, тяжелее колосья уже схвачены золотым огнем. Это не новаторство короткого времени, когда зелень переходит в желтизну и растение вспыхивает золотом, тот период роста, который агрономы зовут «фазой восковой спелости».

— Поспевают пшеничка, — говорит мой собеседник, секретарь Мамоновского райкома партии Павел Петрович Николаев. — Скоро начнется...

Алтай готовится к уборке. Заводы края изготавливают для колхозов сотни зерноочистительных машин, веялок, зернопультов. Рабочие Алтайского тракторного завода решили скомандовать в цехах бригады комбайнеров, а затем взять отпуск и провести его на уборке. Их примерю последовали рабочие других предприятий: рабочие едут помогать колхозникам убирать обильный урожай.

Страна оккупает Алтайскому краю большую помощь. Один за другим выдвигаются на железных дорогах эшелоны с комбайнами. Из Дубовки и Прибалтики, из Москвы и Сталинграда идут на целинные земли тысячи автомашин. Комбайнеры

В первую голову воспитательную работу следует развить среди молодежи. Не секрет, что среди некоторой части молодых рабочих, студентов, колхозников вышневки окружены каким-то ореолом модности, а подвыпивший «жоржик», которому сам черт не брат, служит образцом для подражания...

Нередко скука порождает пьянство. В общежитиях молодых рабочих, когда нет кинофильма, хорошей книжки, вечера самодеятельности, волейбольного мяча, бильярда или шахмат, на столе появляется бутылка. А затем — и ругань, и пьяная тасовка, и хулиганство (установлено, что подавляющее большинство хулиганских правонарушений совершается у нас в состоянии опьянения). Пьянот от нечего делать. От неумения расходовать свой заработок. Но «традиция» — это не шахтер (не может)... Не лишние эти традиции не разбираются, не высмеиваются; и главное: мало заботятся комсомольские и профсоюзные организации о досуге молодежи, об устройстве для нее разумных и полезных занятий.

Поучительна в этом смысле история молодого артиста Свердловского театра музыкальной комедии Владимира Чекалина. Способный певец, он быстро завоевал ведущее положение в театре и популяризатор у зрителей. Но пьянство и дебоши снижали ему дурную славу; творческий рост затормозился, а затем Чекалин стал деградировать как актер; публики отворачивается от хмельного «героя»... Нельзя не согласиться с автором фельетона о Чекалине, написанного на днях в газете «Уральский рабочий»: бегство от «премьер» поднимает авторитет коллектива театра.

К сожалению, наши творческие организации (в том числе Союз советских писателей и его местные отделения) мало воспитывают творческую модель, слабо развивают творческую личность, слабо разъясняют творческие проблемы молодежи. Чаще всего только «чрезвычайные происшествия» и персональные дела становятся предметом обсуждения и осуждения.

Да, не создана у нас еще атмосфера резкой общественной непереносимости по отношению к пьянству и пьяницам. Больше того, налицо явная «моральная поддержка» алкоголиков. Она простирается от элементарных бытовых случаев (слуш, что с человека возьмешь — выпивши был...) до своеобразной поэтизации пьянства в пьесах и песнях, кинофильмах и радиопередачах. Непомимо большое место занимают во многих книгах, драмах и комедиях, в кино и на эстраде сцены ширшества и банкетов, застольные песни и тосты. Назовем в этой связи хотя бы роман Ф. Панферова «Волгатская река», пьесу братьев Тур и И. Шарыпа «Семья Духовных» или музыкальную комедию «Самое заветное» с куплетами о... пользе пьянства (авторы текста В. Масс и М. Червигинский). Этому потоку, несомненно, следует создать крепкую преграду.

Всеми доступными способами разъяснять вред алкоголизма — неприменная обязанность всех организаций, ведающих культурно-просветительской работой. Первое слово в этом деле должно принадлежать нашей интеллигенции, всем ее отрядам в городе и на селе. Быть носителям культуры, показывать образцы поведения и воспитывать окружающих, учить молодежь и обличать старое, отжившее — вот задача учителя и врача, художника и актера, агронома и писателя.

Замечательный писатель и педагог А. С. Макаренко говорил: «Вопрос о коммунистическом воспитании наезд не только в порядке политического развития нашей страны, он наезд и в быту, в общественном, будничном самочувствии каждого советского гражданина». Очень правильно сказано! Советские люди кровно заинтересованы в том, чтобы наш светлый быт не омрачался ничем «бесмысленно вредным», в том числе и таким злом, как пьянство. Заботясь о духовной чистоте, о здоровом быте советского человека, мы говорим: выше коммунистическое воспитание масс!

Кубань и Ставропольщины, закончив у себя уборку, грузят свои машины на платформы и едут на Алтай. Тут последние приготовления к уборке. В колхозе имени Калинина заканчиваются испытания механизированного тока. Трактористка мобилирует цветастый полевой вагончик полевого стана, комбайнер приключает к своему агрегату плакат: «Намолотим по 150 пудов пшеницы с гектара».

Обильный урожай нынче на Алтае. Но много еще не сделано для того, чтобы убрать его быстрее и без потерь. Почти треть комбайнов не готова к выходу в поле, многие колхозные токи еще не могут принимать зерно, медленно и плохо ремонтируются дороги. Эти недостатки нетерпимы тем более, что первые комбайновые агрегаты уже начинают косовицу.

Каждый час радио приносит новые вести. Из Белоглазовского района сообщают: «Комбайнер Михаил Панков скопил 11 гектаров ячменя и намолотил по 150 пудов зерна с гектара».

Говорит Славгород: «Комбайнер Бондур скопил за день целую буху комбайнов 50 гектаров, намолочено по 188 пудов на каждом гектаре».

Первая волна машин, украшенная транспарантами и знаменами, уходит с колхозных токов на заготовительные пункты.

Над распахнутыми натежью воротами барнаульского элеватора висит транспарант: «Добро пожаловать, товарищи хлебоделатели!».

А. ЗЛОБИН,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 95 (3279)

Вторник, 10 августа 1954 г.

Цена 40 коп.

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ ОТ НАШИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Из газет мы знаем о приближении Второго всеобшного съезда советских писателей. В печати чаще стали появляться статьи по вопросам литературы. Но все же мало их, этих статей, не все вопросы, волнующие нас, читателей, в них подняты, не всегда мы находим в них ответы на то, что нас занимает, о чем мы спорим между собой.

Хорошая книга нужна нам, как хлеб, как воздух. Такая книга учит жить и понимать жизнь, зовет вперед, бодрит и радует. Поэтому-то в заводской и районной библиотеках, насчитывающих много тысяч томов, после конца смены всегда толпятся наши металлиurgi. Поэтому на интересное произведение сразу устанавливается очередь. Поэтому оживленно проходят читательские конференции по прочитанным книгам.

Большим спросом у наших читателей, особенно у молодежи, пользуются произведения советских авторов. Наша литература — голос народа, воля народа, сердце народа. Глубокая психологическая и актуальная в том, что наши писатели, вооруженные самой передовой марксистско-ленинской теорией, выступают как художники, правдиво отражая действительность в ее революционном развитии, активно участвующие в борьбе народа за коммунизм. Не зря наши литераторы носят высокое звание «инженеров человеческого духа». А читатель хочет шагнуть в ногу с временем, он ищет в книгах примеры, которые объясняют ему жизнь, учат, как надо жить. Молодой читатель видит в книгах высокие образцы, достойные подражания героев, на которых ему хочется походить. Многие из нас выросли и учились на примере жизни Павла Корчагина и комиссара Левинсона, на подвиги Василия Теркина, на вдохновения на трудовые подвиги Мересьев и молодого гвардейца.

Главный рабос нашей литературы — воспеание труда человека, о чем не переставая говорит великий трудозащитник Максим Горький. Труд — основа всех основ, без труда немальны советский человек, наше социалистическое общество. Творческой трудовой порыв и вдохновение есть самое высокое и прекрасное в жизни, а значит, и в литературе.

Мы знаем хорошие произведения современной литературы, посвященные труду, батманов и Бердике из «Далеко от Москвы» и другие. Но в литературе, посвященной труду, мы чувствуем недостаток. Мы хотим видеть в литературе не только героев, но и обычных людей, но и тех, кто не знает, как работать. Мы хотим видеть в литературе не только героев, но и обычных людей, но и тех, кто не знает, как работать. Мы хотим видеть в литературе не только героев, но и обычных людей, но и тех, кто не знает, как работать.

Рождаются герои для людей труда, воспитываются молодые поколение рабочего класса книги Б. Горбатова, В. Кетлинский, В. Попова, В. Галина. Мы думаем, что все читатели интересуются раскрытием духовного мира советского человека — человека труда. Литература наша должна быть глубоко человеческой, полноправной, женственной. Мы, рабочие люди, не боимся слова «психология», потому же его стали недолюбливать иные литераторы? Мы знаем, что ничто так не обогащает человеческую душу, как участие в творческом, созидательном труде, ничто не дает такой возможности полного показа человеческих отношений, как труд.

Но разве мало вышло произведений, поданных «Стхановцам» П. Шебунина, где показан не труд, а «производственный процесс», где главные герои — не люди, а механизмы? Специалист найдет в таких книжках погрешности против техники, но главная ошибка их авторов не в этом. Показав лишь восемь рабочих часов жизни своих героев, писатель обижает наших людей. Мы, читатели, не можем представить себе, чем живут, о чем думают герои подобных книг, кроме выполнения норм или каких-нибудь усовершенствований трудового процесса. Мы не знаем, что они делают, пряды домой, как живут в семье.

Рисуя жизнь лишь с внешней, казовой стороны, робко и мало пишут наши литераторы на морально-этические темы, о браке, семье, любви. Семейные конфликты редко показывают, а в жизни, случается, люди и жен бросают, и детей. Надо показать в литературе и настоящие хорошие отношения, крепкие семьи, которым можно было бы подражать.

По нашему глубокому убеждению, подкрепленному тем, что мы читали в статьях по литературному вопросам, малое количество полноправных произведений о рабочих советских тружениках — результат недостаточного и просто плохого знания жизни некоторыми писателями.

В библиотеке нашего заводского партизанета, в альбоме «История родного края», хранится редкая фотография. На снимке — более чем полувековой давности изображена первая домна нашего завода в строительных лесах, внизу стоит группа людей. Четвертый слева, белобородый старик — великий русский писатель Лев Николаевич Толстой. В альбоме вклеены отрывки из статьи Толстого «Нужды и это так надо?», написанной им в 1900 году.

Писатель возмущается нечеловеческими условиями труда шахтеров, достигающих армян, балдым, руды со старинной глубиной, 12—14-часовым каторжным трудом доменщиков у раскаленных печей, повальным пьянством рабочего люда по воскресеньям, антисанитарными условиями их домашней жизни.

Письмо читателю Косогорского металлургического завода имени Дзержинского

Если бы великий русский писатель мог посмотреть нашу жизнь сейчас! Неизменно улучшились условия труда и быта металлургов. Большой рабочий поселок утопает в зелени садов и скверов, дома у нас такие, что могли бы и на столичных улицах стоять. Почти все на заводе участвуют на курсах повышения квалификации, кто в заводской школе мастеров, кто в заочных техникумах и институтах... В восемь раз по сравнению с довоенным временем увеличилась выплавка чугуна на нашем заводе.

Алексей Данков пришел на наш завод еще при жизни Л. Н. Толстого. Мальчик работал он от зари до зари, жил впроголодь, спал в клоповнике, где на 10 метров отстоялись тринадцать товарищей артельщиков. Сейчас Алексей Петрович Данков — один из знатных людей завода, мастер газового хозяйства доменного цеха. Когда он в праздник в кругу семьи проводит по поселку «при параде», со всеми орденами и медалями, полученными за общественный труд — косогорцы говорят с улыбкой: — Генерал наш идет!

Наши писатели о жизни Алексея Петровича Данкова, — и какое получится замечательное повествование о советском труженике — хозяине нашей земли! А разве Данков у нас один? А в стране есть заводы и окрестные люди и познатнее. Деды, на которых мы работаем, выплавляли чугун день и ночь. Полагаем, что горение идет ежемгновено и в душах писателей. Но почему же выход их «произведений» так нерегулярен и мал?

И вот возникает предположение: может быть, потому и хорошие книги пишутся у нас медленно и выходят редко, что писатели мало ездят, недостаточно знают жизнь, плохо знают людей. А ведь наша земля Л. Н. Толстой побывать на стройке первой домны Косой Горы, нашел время А. П. Чехов побывать в В. Г. Короленко, волею России уходил пешком молодой А. М. Горький, в сестрах городов страны, в том числе и в нашей родной Туле, выступал пламенный поэт-герой В. М. Маяковский.

Вот Леонид Леонидов, на последний роман которого у нас установилась очередь в библиотеке, наравне со многими делскими беседовал, хорошо изучил материал. И Валентин Овечкин, полагаем, не в одном колхозе бывал, когда писал свои «Районные будни». Полагаем, что и агроном Г. Тропачевский много земли исходил, в жизни привычно присматривался, выводил живые типы своих «Болтушков» и «Прохоров» — корейских женьшичинов.

Может быть, в других местах советские писатели и бываюю, но к нам не жалуют, хотя живем мы всего в двухстах километрах от Москвы. В нам заглядывают лишь «по лужи». Ибо стоим мы на шоссе Москва — Симферополь.

Лет шесть назад проезжал мимо нас на машине В. Рудный, он помянул косогорский завод в своих путевых заметках, опубликованных в журнале «Огонек».

В прошлом году мимо проезжал на юг Вас. Гроссман. Он прошелся по территории завода, заглянул в доменный цех, Фоторепортер, бывший с ним, сделал несколько снимков. К сожалению, очерк Вас. Гроссмана «На Косой Горе», опубликованный в том же «Огоньке», — не больше, как моментальные, бедные, не всегда точные впечатления писателя.

Кроме этих мимолетных наезд-наскоков, пробыв у нас три дня В. Попов. Он рассекзал металлургам о работе над романом «Сталь и шлак», пообщал в скорости прислать свою новую книжку. Было это, правда, давно, а книжки еще нет.

Сколько типов, сколько глужих вопросов жизни жалут своих обличителей! Многим из нас приходится бывать в подшефных колхозах: вот и сейчас коллектив завода полагает убирать хлеб в соседних колхозах Калининской, Приниенской и Еловской МТС. Ведь это же позор, что до сих пор праздноуют и «Казанскую», и «Фролов день», и другие «пестрыльные» праздники, гуляют и нынствуют в разгар уборки, когда так дороги рабочие руки, когда час — дня стоит, а день — год кормит! В преддверии будней в травмаев, идущем в Тулу, белые-белы от улово с дашками и кудрями. И если бы один старухи ездили в церковь, а то ведь за руку вудут пионерв в красных галстуках. А «забегальник», которым буквально обросли проходные будки многих тульских заводов, но работники торговой сети общепитования вынужденным своим «взanos пропал»! Разве все это не тема для сатириков, для бытописателей и правов?

Маяковский бы здесь справился, но прескляло его нет, — прислал бы из Союза писателей бригаду с Александром Бельманским и Сергеем Васильевым, пусть бы они разматили всю эту погань!

Хочется задать несколько вопросов нашим писателям.

Любимый наш Михаил Шолохов, — мы читаем каждый новый отрывок из второй книги вашей «Поднятой целины», — когда давать всю книгу? И почему вы, знаток деревни, ничто не пишете по любодневным вопросам колхозной действительности?

И. АБАШИН — слесарь цементного цеха, М. ВАСИЛЬЕВА — диспетчер завода, С. ДЕНИЩИН — секретарь редакции газеты «Дзержинск», К. ЕФИМОВА — заводская заводской библиотеки, А. ЖИТКОВ — начальник ОТК, Р. ЗЕЛЕНУЮ — заводскую электробиблиотеку, Б. КАЛИНИЧЕВ — заводской парт. библиотекой, В. КОСУЛИН — начальником отдела технического снабжения, Г. МОРОЗОВ — слесарь всеовой мастерской, В. ПЕЧНИКОВ — мастер механизации подачи кокса, А. ХАРЛАНИЧЕВ — водопроводчик доменного цеха, В. ХРЕНОВ — старший дежурный электротехнического цеха и др.

Пос. КОСАЯ ГОРА, Тульской области.

ВСТРЕЧИ НА ВЫСТАВКЕ

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке можно встретить колхозников самой отдаленной во стоке Сахалинской области и самой западной — Читинской, заводов и предприятий Члены центрального и средневосточных республик. Это — встречи тысяч передовиков сельского хозяйства. И естественно, что в этом огромном людском потоке происходят самые неожиданные встречи старых друзей, необычные знакомства.

Знакомые в романе

В павильон Лена, кинопл и других любимых культур вошла оередняя группа экскурсантов. У многих на груди золотые звезды Героя Социалистического Труда. Студентка Гимназической академии Валия Дойникова взяла указку, начала рассказывать: — Здесь показаны успехи Нижне-Чуйского совхоза Узбекской ССР. По урожайности кенафа и кинопли он занимает первое место в СССР.

Люди внимательно слушали экскурсовода, делали записи в блокнотах. У следующего студента Валия сказала: — А это степь известного всей стране корейского колхоза имени Дмитрова Ташкентской области. Здесь также очень высокие урожаи. Кенафа собирают по 154 центнера (почти в три раза больше, чем требуется для получения права участвовать на выставке), а волокна джуа — по 124 центнера с каждого гектара. За выдающиеся успехи 16 колхозников артели присвоено звание Героя Социалистического Труда. Вот на этой фотографии вы видите героев колхоза.

Дорогие писатели, когда мы прочтем книжку о нашем советском Юнусе Фучике — Мусе Джалиле! Читая его стихи, написанные в Моавите, мы почувствовали великую гордость за то, что наш герой вырос из такого патриота и героя. Но мы хотим знать о нем больше.

Не хватает во многих произведениях романтики, особенно в книгах для молодежи. Очень ждет читателей новых романов от Каверина, ждет появления Гайдара наших дней, ждет выхода журнала приключений.

Наше письмо очень разнородное, если бы мы помняли всех хорошо известных писателей, задали все вопросы, на которые хотелось бы получить ответ через газету. Мы хотим, чтобы в предсезонные дни вы помогли нам разобраться в том, что уже сделано советскими литераторами и что не сделано еще. Ведь съезд — не только смотр достижений, но и серьезный разговор о недостатках, которые надо преодолеть.

Очень хотелось бы, чтобы наши видные писатели, такие, как Александр Фалеев, как Константин Федин, рассказали, исходя из своего опыта, о значности раскрытия внутреннего мира советских людей, помощи молодым авторам постичь это.

Из многих книжек и статей мы знаем, как помогал вам самим Максим Горький, когда вы были молодыми и начинающими авторами. Как вы теперь помогаете молодым и начинающим? Кого вывели в большую литературу за эти годы вы сами?

Мы хотим, чтобы такие рецензиторы русского языка, такие знатоки родной речи, как Федор Гладков, статью которого по вопросам языка мы читали, как Леонид Леонидов, выступили против серого, стершегося языка, которым пишутся многие книжки. Мы водем с прованскими грубоности на производстве и в быту, а в некоторых книгах герои выражаются косноязычно, грубо, слишком часто и много пишут. Мы стараемся учиться говорить, выступая на собраниях, а герои С. Бабаевского даже в самые лирические минуты объясняются между собой языком плохих газетных передовиц.

А почему разрезов столько книг-близнецов, похожих одна на другую, как две капли воды, где действуют герои-близнецы, где сюжеты — близнецы. А люди в жизни все разные — разные и инженеры, и мастера, и рабочие. Мир литературы не может быть беднее, чем живой мир! Хотелось бы, чтобы уважаемый мастер слова Константин Наустовский объяснил причины этого явления в литературе.

Хотелось бы почитать и статьи наших лучших критиков. Мы просим прощения, что не называем фамилий, потому что их статьи не всегда запоминаются. Мы читаем заметки и рецензии по отдельным произведениям и нередко ужасаемся: до чего же иной критик лупит бедного автора, особенно молодого! Да это же не критика, а настоящее убийство. Горький критиковал так, чтобы была польза автору, — отечески, помогая.

Отдельные статьи и заметки мы хотели бы прочесть сейчас, в предсезонские дни, а обзор, серьезные обобщения, подобные «Взгляду на русскую литературу 1847 года» В. Г. Белинского.

В нашей жизни перемены гораздо разнотней, чем сто лет назад, иной наш год равен по своему значению десятилетиям, — почему же наши критики плохо помогают нам, читателям, осмыслить эти перемены? Почему забыли слова великого критика о том, что «очень полезно в определенные сроки, например, по окончании каждого года, обозрывать в целом всю литературу, ее приобретения, ее богатство или ее бедность».

Об наших критиков мы ждем глубоких обобщений, хотим, чтобы критика влияла на литературу, как влияли на нее статьи Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Надо перед съездом внимательно изучить и все хорошее, и все неудачное, что было в нашей литературе, и рассказать об этом нам, читателям.

Работа съезда писателей пройдет плодотворно, если квалифицированные люди — и критики, и литераторы, и читатели — помогут уже сейчас решить многие важные вопросы. Этим должны заняться наши газеты, и «столетие» журналы, у которых больше места и возможностей.

В заключение письма хочется попросить всех наших писателей и редакций: больше пишите и печатайте статей, рассказов, стихов, фельетонов, чаще помогайте открытию из новых произведений.

Съезд писателей — смотр сил нашей литературы, так покажите же, товарищи писатели, свою силу, а наше внимание и сочувствие вам обеспечено!

И. АБАШИН — слесарь цементного цеха, М. ВАСИЛЬЕВА — диспетчер завода, С. ДЕНИЩИН — секретарь редакции газеты «Дзержинск», К. ЕФИМОВА — заводская заводской библиотеки, А. ЖИТКОВ — начальник ОТК, Р. ЗЕЛЕНУЮ — заводскую электробиблиотеку, Б. КАЛИНИЧЕВ — заводской парт. библиотекой, В. КОСУЛИН — начальником отдела технического снабжения, Г. МОРОЗОВ — слесарь всеовой мастерской, В. ПЕЧНИКОВ — мастер механизации подачи кокса, А. ХАРЛАНИЧЕВ — водопроводчик доменного цеха, В. ХРЕНОВ — старший дежурный электротехнического цеха и др.

Пос. КОСАЯ ГОРА, Тульской области.

В павильон Лена, кинопл и других любимых культур вошла оередняя группа экскурсантов. У многих на груди золотые звезды Героя Социалистического Труда. Студентка Гимназической академии Валия Дойникова взяла указку, начала рассказывать:

— Здесь показаны успехи Нижне-Чуйского совхоза Узбекской ССР. По урожайности кенафа и кинопли он занимает первое место в СССР.

Люди внимательно слушали экскурсовода, делали записи в блокнотах. У следующего студента Валия сказала: — А это степь известного всей стране корейского колхоза имени Дмитрова Ташкентской области. Здесь также очень высокие урожаи. Кенафа собирают по 154 центнера (почти в три раза больше, чем требуется для получения права участвовать на выставке), а волокна джуа — по 124 центнера с каждого гектара. За выдающиеся успехи 16 колхозников артели присвоено звание Героя Социалистического Труда. Вот на этой фотографии вы видите героев колхоза.

Девушка показала указкой на большую фотоснимок, но, обернувшись к слушателям, смуталась. Экскурсанты добродушно улыбались и ничего не записывали.

— Разве я неверно сказала? — спросила Валия.

— Милая девушка, все правильно.

Еще раз внимательно посмотрев на собеседника, а потом на фотографию, Валия Дойникова тоже улыбнулась.

— Товарищ Ким Анатолий, — обратилась она к одному из экскурсантов, — да ведь это же вы со своими товарищами! Вы из колхоза имени Димитрова?

— Да, угадали...

Короткий разговор, расспросы, и группа пошла дальше.

Случай, когда участники выставки, портреты которых помещены на стенах, приходят в павильон, нередки. Иногда, слушая рассказ экскурсовода о себе, они делают поправки или по просьбе присутствующих рассказывают о своей работе в этом году. Тогда и экскурсовод временно становится слушателем.

У стенда колхоза «Путь к рассвету» произвел такой случай.

Это семоководский колхоз на Орловщине, — рассказывала Валия Дойникова, — в 1947 году он впервые посеял новый советский сорт кинопли «ЮС-1» и получил наилучший урожай семян — 10,58 центнера с гектара, а для участия на выставке нужно выпустить 7 центнеров с гектара.

Рассказ о передовом колхозе был очень коротким. Экскурсовод поспешно пошел к следующему стенду. Но экскурсанты не тронулись с места.

— У нас есть вопросы, — сказал один из них. — Расскажите, кто вырастил такой высокий урожай и чей это портрет на стенде?

Дойникова смуталась. А слушатели уже не сомневались, что на фотографии, под которой стояла подпись «Герой Социалистического Труда В. Н. Дойникова», изображена Валия Дойникова — их экскурсовод.

«Знакомьтесь, моя одноклассница» — слова спросил от инженера.

— С 39-го, — ответила Кочеткова, — с выпускного вечера в Московском институте механикации, выходяй пятнадцать лет.

Начались рассказы, да во-первых спохватился, весь группа ждала их. Пошли к стендам. Нищенко подробно записал опыт Узлового метода ремонта тракторов в Громоской МТС Херсонской области.

Пример домой и все, что видела, приемим у себя, — заметил директор.

— Что вам особенно понравилось на выставке? — спросили мы Нищенко.

— Комбайн «С-8». Наконец-то наши конструкторы создали машину для уборки высокоурожайных хлебов. «С-8» имеет большой хвост, мощный молотильный аппарат. Это даст возможность убирать урожаи ценнеев по тридцать, не снижая скорости комбайна.

П. МАКУРШ

Разговор с товарищами поэтами

Михаил ЛУКОНИН

Советская поэзия приходит ко Второму всеобщему съезду писателей с несомненными достижениями. Она укрепила свою роль в жизни народа, развиваясь на путях партийного, действительного искусства социалистического реализма.

Нашей литературе, как и нашей жизни, не свойственна та убогая философия, по которой люди успокаиваются тем, что «мы имеем все, что хотим, потому что хотим то, что имеем». Стремясь непрерывно двигаться вперед, мы видим недостатки нашей поэзии, ждем от нее еще большей высоты полета. Именно поэтому мы обращаем внимание на недостатки, ощущаем недовольство и стремимся к лучшему поэтическому творчеству.

Недавно мне довелось участвовать в работе съезда писателей Армении. Вопросы поэзии привлекли широкое внимание участников съезда. В своем докладе о поэзии на съезде писателей Армении Г. Тамразян предвзято много привнесших претензий поэзии. Но при этом мне показался неверным обман притворения некоторых закономерных тенденций поэзии. Выступая на съезде, я считал нужным остановиться на этом, высказать свою точку зрения, тем более, что как достижения, так и недостатки армянской поэзии характерны для всей нашей поэзии и для русской, в частности.

Довольно часто раздаются голоса о том, что поэзия нашу не читают, что ее не любят. Все это клевета на нашу поэзию, все это не соответствует действительному положению поэзии в жизни. Кое-кому поэзия доступна не больше, чем глухому музыка или слепому живопись. Кроме того, поэзия недоступна злым и бездушным людям, недобрым самой жизнью, живущим в перчатках, тем, чьи ноги приросли к земле, а глаза никогда не видели небеса. Наша поэзия пользуется вниманием и любовью народа, потому-то народ так требователен к ней.

Только с точки зрения нашей любви к поэзии мы склонны рассматривать ее недостатки. Сознание того значения, которое имеет наша поэзия в мире, наполняет чувством гордости, радует душу, придает уверенность. И вместе с тем заставляет еще и еще раз задуматься над тем, что все же есть она — занятнейшая, хозяйская неудовлетворенность читателей поэзией последнего времени.

Давно уже говорят, что поэзия отвечает. Вот уже восьмой год, как я лично имею профессиональное отношение к поэзии, и за все это время ни на одной дискуссии, ни на одном пленуме мне не приходилось слышать о поэзии ничего, кроме того, что она отстает. Известная слабость нашей поэтической критики состоит именно в том, что она не показала за это время, в чем коренные недостатки поэзии, от чего же она отстает, что ей нужно догнать.

«НОЛЬ ЦЕЛЫХ, НОЛЬ ДЕСЯТЫХ...»

Николай Федорович Альбину грешно жаловаться на свою судьбу. Его признали, изобретение запатентовали, вручили авторское свидетельство, выплатили даже гонорар. О его изобретении написаны статьи, инструкции, брошюры, книги, методические пособия.

Когда бы ни пришел Николай Федорович в Министерство путей сообщения и к кому бы он ни обратился — к начальнику ли бюро по делам изобретательства тов. Гринченко, к начальнику отдела тормозов тов. Шакурскому или даже к самому начальнику Главного вагонного управления тов. Егорову, — везде и всюду ему крепко жмут руки, подают студи, интересуются здоровьем, показывают очередной печатный труд.

В защиту пернатых друзей

Письмо в редакцию. — А вот кому заблюбок, заблюбок кому! — Купите, гражданочка, скворца, не пожалейте. Первая птица в смысле пения. — Дяденька, чей-то они у тебя в решете пахнут? Ведь пахнут. — А пускай. Этой твари в лесу сколько хочешь... — Ну, залетай, покупай! Жаворонки! Чижик, синицы, щеглы...

Действия ребят вполне естественны — в каждом из них живет страстный охотник и неутомимый исследователь. А вот действия взрослых людей, в чьем ведении находится охрана природы, совершенно неприглядны. К счастью, Московское областное общество охраны природы «ведает» лишь область, исключая территорию Москвы. И если в пределах области оно еще может привлечь к ответственности (хотя бы моральной) тех, кто губит птиц, то в пределах города птиц можно убивать вполне безнаказанно. Хорошо еще, что птицам не дано знать об этом, иначе они давно бы покинули пределы города, оставив московские парки, скверы, бульвары, сады без своей надежной защиты.

В. НАТАЛИ, действительный член Академии педагогических наук Н. ГЛАДКОВ, доктор биологических наук, лауреат Сталинской премии И. ПЛАВИЛЬЩИКОВ, доктор биологических наук М. МЕЛЬНИКОВ, кандидат педагогических наук П. ЗАБИТАЕВ, кандидат педагогических наук

УГРОЗЫ И ПОСУЛЫ американского журнала „Ньюсуик“

Августовским днем 1944 года в лесу у Равы-Русской мы обнаружили необычное для этих мест кладбище. Оружием безраздельно владели в лесистой местности овраги, а на каждой могиле насыпи лежала каменная подушка с фамилией погребенного и датами его рождения и смерти. Вполне возможно, что мы бы проехали по шоссе дальше, в польской границе, не задержавшись, если бы не обстоятельство, что надписи на могилках были на французском языке.

За нарочитой аккуратностью французского кладбища угнетались недугами его прусских устроителей. Мы начали розыск. Вскоре они привели нас к небольшой группе французских военнопленных, которые бежали в разное время из гитлеровских лагерей и скрывались на Львовщине до ее освобождения войсками Советской Армии. Они, наши новые знакомые, оказались последними из оставшихся в живых французских солдат, которых отвезли на голодную смерть в леса Западной Украины. Среди них были последние защитники линии Мажино, те, кто сражались за свое отечество и тогда, когда проданная завалами и петанами Франция уже слышала повсюду гуд фашистских танков.

Долгими осенними вечерами в затененном еще Львове мы беседовали с нашими французскими друзьями и находили общий язык без словаря и переводчицы. То, что пережили наши народы в дни второй мировой войны, еще бушевавшей в ту осень неподалеку, у берегов Вислы, создавало исключительную атмосферу взаимопонимания. Вечерние военнопленные подробно рассказывали о гитлеровских лагерях в Равы-Русской и на взгорьях Львовской штабеля. Оказалось, что чистенькое, уютное кладбище в лесу возле Равы гитлеровцы создали руками французских военнопленных исключительно для отвода глаз. «Глядите, даже мертвые французы устроены в нашем плену неплохо!» — говорили с похоронным юмором гитлеровские эскупероводы, показывая кладбище с каменным алтарем и белой оградой.

А в то же самое время на окраине Равы-Русской за колючей проволокой лагеря умирали от голодной смерти тысячи непокоренных французов.

Об этом нам рассказали бывшие французские военнопленные Эмиль Леже, Лефюль Жорж, Марсель Риветт и другие.

Французы рассказали нам, как зверски были растерзаны на окраине Львова их временные соседи по камерам Львовской штабеля, итальянцы из гарнизона «Ретриво ди Италияно», что дислоцировалось во Львове. После падения Муссолини гитлеровцы интернировали всех итальянцев, от казенных присягнувших по их требованию на верность гитлеровской Германии. Таких оказалось свыше двух тысяч. Сначала их интернировали в штабеля, а затем в глухой долине расстреляли у предместья Лычаков. Гитлеровцы не только сожгли трупы своих итальянских жертв, но и, заметая начисто следы преступления, зарыли в уромном местечке уцелевшие от огня пуговицы их форменных мундиров.

Свидетельства освобожденных Советской Армией французов вошли в опубликованное на страницах советской печати в декабре 1944 года сообщение Чрезвычайной Государственной Комиссии, что расстреляла гитлеровские зверства, совершенные на Львовщине.

Никогда не забыть мне, как перед отъездом во Францию один из бывших фран-

цузских военнопленных, лейтенант Эмиль Леже, прощаясь с нами, сказал: — То, что мы пережили, не должно повториться. Когда народы завоевуют мир, они не должны допустить, чтобы нашествие снова маршировало по Европе! Пусть навсегда позабудут свой гусиный шаг!

История французского кладбища и прощальные слова Эмиля Леже припомнились мне, когда я прочел опубликованную 12 июля в журнале американских монополий «Ньюсуик» статью «Почему немцы будут снова маршировать?».

Заведомая ложь соединена в этой статье с угрозами в адрес Франции, типичные с неуклюжими, назойливыми попытками представить лидеров боковых рваншистов в виде невинных вегетарианцев, которые чуть ли не с похлестом чувствовали отвращение к войне. «Ньюсуик» называет, например, бокового танцора Аденауэра «самым большим другом Франции в Западной Германии».

Чего же хотят от Франции «самый большой друг» и его заокеанские покровители? Отвечая на вопрос, поставленный в заголовке статьи, «Ньюсуик» с патологической уверенностью сообщает, что французскому парламенту предоставлен «последний шанс» ратифицировать договор о «европейском оборонительном сообществе». А если Франция отвергнет сей «последний шанс»? Делая «страшные глаза», «Ньюсуик» прогнозирует, что «США и Англия теперь готовы пойти на риск воссоздания легионов, которые дважды едва не удалось завоевать всю Европу». И тогда... «немцы будут снова маршировать», — утверждают французы и другие ближайших соседней Германии мажнштэйтс из «Ньюсуика».

С явным удовольствием журнал сообщает, что солдаты и офицеры возрождаемого вермахта будут одеты в форму, «почти копирующую американскую». Правда, по словам журнала, «место американского хаки, оно будет «зеленой», очень похожей на коричневато-зеленую гимнастерку американского офицера». Можно подумать, что если в лод человека ночью вторгаешься, то положение очень изменится от того, какого цвета на нем одежда. Слово народы Европы не знают, что неогитлеровцы, обреченные заокеанскими интендантами в американское хаки, — те же самые пропахшие дымом Лидиче и Фраудра палачи, которые пытали и расстреливали французских и итальянских военнопленных десять лет тому назад!

«Ньюсуик» весьма деловито подчитывает ресурсы будущих «немцевких легионов». Сообщив, что в первое время силы возрождаемого вермахта не будут превышать 500 тысяч человек, журнал добавляет, что уже 140 тысяч немцев готовы вступить добровольно в западногерманскую армию. Заокеанские бизнесмены сразу же спешат бесцеремленно загнать в зубы этим волонтерам. Автор статьи в «Ньюсуике» с цинизмом бывшего вербовщика рассуждает: «Приблизительно 35.000 человек — бывшие солдаты: те из них, кто не очень стар и слаб, будут хорошими унтер-офицерами вадрам».

Американские монополии уже вложили огромные суммы для снабжения «новой армии» Бонна, совершенно независимо от того, будет ли она действовать в рамках «европейского оборонительного сообщества» или вне этих рамок. «Ньюсуик» прямо пишет, что наложение американских материалов для германских милитаристов уже «происходит в течение некоторого времени». Много материалов, по словам журнала, хранится в огромных складах в районе Кайзерлаутерна. Выполнение же всей двухлетней программы «снарачивания», как это уже подчитали специалисты по делам вермахта из «Ньюсуика», «в общей сложности

обойдется Бонну (читай: народу Западной Германии). — В. Б.) в 8—11 миллиардов долларов».

Вот, между прочим, одна из причин, почему вам так хочется, господа из «Ньюсуика», чтобы немцы поскорее замаршировали! И вы пытаетесь запугать всех, кто выступает против перевооружения Западной Германии, и обелить всякого, кто только причастен в Бонне к созданию вермахта.

Послушать только этих оговорок германского фашизма, и выходит, что «новую армию» будут возглавлять законные лафтисты. «Ньюсуик» готов для этой цели и самого Теодора Бланка изобразить этаким простаком из штаблярок. Он, мол, больше тяготеет к изучению греческого и латини, чем к возрождению генерального штаба...

Не впервые орган американских монополий «Ньюсуик» рекламирует западногерманскую армию как «гаранта» мира и безопасности в Европе. Чего стоит только опубликованная в этом журнале джизвал статья, где кузишка войны — Рур выдвигается за «мирную мастерскую» Европы. «Литературная газета» уже писала об этой статье. Писала она и о том, как «Ньюсуик» предоставляет свои страны фактически своему военному министру в Бонне Теодору Бланку для лицензионных угражений на тему о «демократических» устремлениях неогитлеровских войск.

В новой статье «Ньюсуик» уделена неуклюжим мазкадом, Шантажируя европейское общественное мнение угрозы возрождения «национального вермахта», журнал поспешно передевает западногерманских рваншистов в мундиры американского ордера. Но кого умоляют обмануть и запугать вашигонские пропагандисты?

Дети и детей французских, помученных голодом в гитлеровском лагере смерти под Равы-Русской? Вдов и детей итальянских солдат, которых в черных телодрамах растерзали в глубочайшей ночи десять лет назад на окраине Львова?

В Вашингтоне ждуть не дождутся, когда, говоря словами «Ньюсуика», «немцы будут маршировать снова». У европейских народов нет выбора, перед ними лишь один выход: согласиться на перевооружение Западной Германии, живо шумит пресса монополий, пуская в ход кнут и пряник, угрозы и посулы.

Но выбор есть. Создание общеввропейской коллективной безопасности может преградить путь возрождению германского милитаризма. Эта идея находила себе все новых и новых сторонников, потому что народы Западной Европы хорошо помнят и никогда не забудут, сколько горя и бедствий принесла им марширующая немецкая военщина, обугливая духом агрессии и рванша.

ФАШИСТСКИЕ ГНЕЗДА

На прилавках книжных магазинов Западной Австрии уже давно в изобилии имеются и открыто продаются фашистская и милитаристическая литература.

Но австрийским рваншистам этого мало. Они хотят поставить дело на широкую ногу. По сообщению австрийской газеты «Эстеррайхисше Фольксштамме», в Западной Австрии сейчас создается специальный аппарат для пропаганды идей милитаризма, неогитлеризма и аннауэра. Уже существует несколько издательств — «Вельфермоль-ферлаг», «Штоккер-ферлаг», «Бурффрид-ферлаг», — занимающихся распространением фашистских и рваншистских книг. Издательства эти — типичные фашистские гнезда. Так, например, «Бурффрид-ферлаг» возглавляет немец Теиблер, бывший майор гитлеровской армии. Его достойным соратником является некий Грегори, который до 1938 года был руководителем негитлеровской службы безопасности в Зальцбурге.

Для широкого распространения милитаристко-рваншистской литературы эти издательства создали «перехватившие» книжные магазины — автомашин, разбросанные по всей Австрии. Среди «литературы», имеющейся в достаточном количестве в каждом таком «магазине на колесах», находятся книги, названия которых красноречиво говорят сами за себя: «Верховные вожди вермахта 1939—1945 годов», «Войска СВ в действии», «История германского африканского корпуса», книга «Англия — Норвегия — Шпандау», написанная женой военного прокурника Гесса — Изабел Гесс, и другие.

Все это продается беспрятственно, невзирая на то, что многие издания включены в списки книг, запрещенных союзническим советом по Австрии.

Характерно, что распространение продаж книг из «перехвативших» магазинов во время своих поездок занимаются делом, отнюдь не свойственным книжной торговле, — организацией ячеек рваншистских «солдатских союзов».

Фашистская и рваншистская пропаганда ведется в Австрии при молчаливом одобрении австрийских правящих кругов.

Женщины Зальцбурга (Австрия) провели «марш молчания» в знак протеста против пропаганды аннауэра и новой войны. Это была демонстрация против участия в последние времена в Западной Австрии «встреч» бывших гитлеровских солдат и офицеров — австрийцев с их западногерманскими фашистскими «коллегами». Участники демонстрации несли транспаранты с надписями: «Наш отец погиб на войне», «Мой муж не вернулся» и другими.

РЕФОРМАТОРЫ из „Америкэн мэгэзин“

Журнал «Америкэн мэгэзин» — крупный американский ежемесячник — в течение ряда лет ведет отдел «Такое закон!». Под этой рубрикой журнал публикует сообщения о всевозможных нелепых законах, существующих в Соединенных Штатах. Здесь мы увидим, например, что в штате Пенсильвания существует закон, запрещающий стрелять в лягушек по воскресным дням, а в Оклахоме вывоз лягушек за пределы штата считается преступлением. Не вдумайтесь ловить по ночам лягушек в штате Луизиана — это тоже запрещено законом. В городе Норфолке (штат Вирджиния) жители должны следить за тем, чтобы куры неслись только от 8 часов утра и до 4 часов дня...

Похоже на то, что американская богиня правосудия проявляет явное пристрастие к представителям животного мира! В штате Канзас запрещается удить рыбу через прорубь. В городе Денвер (штат Колорадо) противозаконной считается стрельба по кроликам из заднего окошка трамвая. В Лос-Анджелесе особый закон охраняет мошкору: ловить мошек, летящих на свет уличных ламп, в этом городе строго запрещается. В городе Уоллес (штат Айдахо) закон запрещает людям спать в собачьих коврах, а в городе Фокс Пойнте (штат Висконсин) хозяева собак обязаны наблюдать за тем, чтобы псы прогуливались в одиночку или влоем, но не собирались группами. Житель Балтимора (штат Мэриленд), которому вадур придет в голову мысль захватить с собой в кинотеатр живого льва, нарушит закон, специально предусматривающий такого рода ситуации. Житель Бруклина, у которого появятся несколько необычных желание пристроить огла на ночлег в ванне, также рискует вступить в конфликт с законом.

Какие еще существуют запреты? В городе Питтсбурге (штат Пенсильвания) не разрешается спать в холодильнике. В Делройте запрещено сидеть на середине улицы и читать при этом газету, в Нью-Йорке — носить в карманах ложки, в штате Массачусеттс — высовывать ноги из окна автомобиля. В Лос-Анджелесе закон запрещает бить жену ремнем, ширина которого превышает два дюйма (за исключением тех случаев, когда она дает письменную санкцию на избивание)...

Этот перечень глупых и нелепых законов можно было бы продолжить, но и приведенных примеров достаточно. Из номера в номере журнал «Америкэн мэгэзин» высмеивает такое рода законы, издается на английском языке, и читатель не нуждается в переводчике. Однако этим хихикающим раз и навсегда. Однако этим хихикающим над юридическими курьезами и исследуется вся реформистская деятельность журнала в области законодательства. Дальше лягушек и ящериц «Америкэн мэгэзин» не идет. А между тем в Соединенных Штатах существует немало законов, гораздо более опасных для общества, чем те, против которых протестует «Америкэн мэгэзин». Достаточно назвать хотя бы такие общественные «образцы» реакционного законодательства, как законы Смита, Тафта — Харти, Маккарена и другие, с помощью которых преследуются прогрессивные элементы, ведется наступление на права рабочих, уничтожаются остатки буржуазно-демократических свобод. Достаточно вспомнить расовые дискриминационные законы. Так, например, люди, выступающие за социальное равенство белых и цветных, подлежат тюремному заключению в штате Миссисипи. В Техасе, Алабаме, Арканзасе, Калифорнии, Колорадо и других штатах закон запрещает браки между неграми и белыми. На текстильных фабриках Южной Каролины неграми не разрешается работать в одном и тех же помещениях с представителями белой расы. В Бермингеме (штат Алабама) негру запрещено играть в белым в шашки или в домино. В Атланте «светлой» парикмахер не имеет права стричь белых женщин. Сегрегация в поездах, автобусах, трамваях — обычное явление в Соединенных Штатах... Мы не знаем, какое наказание ждет человека, «безжалостно» пристрелившего лягушку в воскресный день. Нам не известно, какую кару предусматривает американское правосудие для жителя Делройта, утесившегося на самой середине центральной улицы города и улобвившегося в чтение «комикса». Зато хорошо известно, что если в штате Алабама негр или мулат вступит в брак с белой женщиной, то и муж и жена попадают в тюрьму на срок от двух до семи лет. Известно также, что человек, посмевший высказать отрицательное отношение к расовой дискриминации, подлежит в штате Миссисипи тюремному заключению сроком до 6 месяцев. Но все это вызывает ни малейших возражений со стороны редакторов «Америкэн мэгэзин». Многочисленные извустерские законы они рассматривают, как нечто само собой разумеющееся. Под рубрикой «Такое закон!» вы не найдете ни одного из них. Увы! Является не приходится — таков закон реакционной пропаганды! Безобидными анекдотами о мошках и кроликах «Америкэн мэгэзин» дурачит обывателей и стремится отвлечь их внимание от серьезных проблем, от неприглядной американской действительности. Разгадывающая о законах, ущемляющих «права» кур и собак, журнал пытается отвести недовольство от законов, притесняющих людей.

Таким образом, люди, выступающие за социальное равенство белых и цветных, подлежат тюремному заключению в штате Миссисипи. В Техасе, Алабаме, Арканзасе, Калифорнии, Колорадо и других штатах закон запрещает браки между неграми и белыми. На текстильных фабриках Южной Каролины неграми не разрешается работать в одном и тех же помещениях с представителями белой расы. В Бермингеме (штат Алабама) негру запрещено играть в белым в шашки или в домино. В Атланте «светлой» парикмахер не имеет права стричь белых женщин. Сегрегация в поездах, автобусах, трамваях — обычное явление в Соединенных Штатах... Мы не знаем, какое наказание ждет человека, «безжалостно» пристрелившего лягушку в воскресный день. Нам не известно, какую кару предусматривает американское правосудие для жителя Делройта, утесившегося на самой середине центральной улицы города и улобвившегося в чтение «комикса». Зато хорошо известно, что если в штате Алабама негр или мулат вступит в брак с белой женщиной, то и муж и жена попадают в тюрьму на срок от двух до семи лет. Известно также, что человек, посмевший высказать отрицательное отношение к расовой дискриминации, подлежит в штате Миссисипи тюремному заключению сроком до 6 месяцев. Но все это вызывает ни малейших возражений со стороны редакторов «Америкэн мэгэзин». Многочисленные извустерские законы они рассматривают, как нечто само собой разумеющееся. Под рубрикой «Такое закон!» вы не найдете ни одного из них. Увы! Является не приходится — таков закон реакционной пропаганды! Безобидными анекдотами о мошках и кроликах «Америкэн мэгэзин» дурачит обывателей и стремится отвлечь их внимание от серьезных проблем, от неприглядной американской действительности. Разгадывающая о законах, ущемляющих «права» кур и собак, журнал пытается отвести недовольство от законов, притесняющих людей.

П. КУСЕНКО

Новое издание „Тихого Дона“

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

Отступления от исторической правды, а времена и элементы натурализма были особенно заметны в изображении экспедиции во главе с Подтелковым и Кривошлыковым.

Экспедиция в описании Шолохова выглядела довольно безнадежным предприятием. Большой Кривошлыков занят был в романе, главным образом, попытками удалить из экспедиции Зинку — «шмару» Подтелкова, белесую подполковную деву, которую все трое с собой под видом «миссерной сестры». Еще более глумится краской присутствие в экспедиции морально сложенное, безразличное ко всему Бунчука. А ведь по историческим данным отряд Подтелкова имел в своем составе полковника, в который входило 20 боевых коммунистов-агитаторов. О них не рассказывал Шолохов в романе. Образы Подтелкова и Кривошлыкова приобретают не своиственные им черты жертвенности и обреченности. И лишь в изображении казни Подтелкова и Кривошлыкова Шолохов поднимался до возвышенного героического пафоса. В новом издании «Тихого Дона», вышедшем в Гослитиздате, Шолохов в значительной мере исправил ошибки в освещении деятельности Подтелкова и Кривошлыкова. Сняты все выказывания Подтелкова, которые могли быть истолкованы как апологетические. В сцене с пленными офицерами из отряда Чернецова исправлена фактическая неточность. Вся сцена зазвучала теперь по-иному: Подтелков зарубил Чернецова, защищая свою жизнь. Выброшен эпизод с Зинкой; отсутствует в новой редакции указание на заочность и выкопачен Подтелков.

Теперь Шолохов показал, что не только в натуральном, но и в выделенном из него Шолоховым в исправленном издании. Эта правка весьма показательна. В некоторых произведениях 20-х годов коммунистическое изображение в отвлеченных романтических красках и представляли собой, по выражению Фурманова, весьма «фантастические» фигуры. Шолохов вслед за Фурмановым и Фадеевым стремился к реалистическому изображению коммунистов. Но эти правильные устремления привели иногда молодого писателя к пошловатым крайностям. В облике Бунчука Шолохов, стараясь передать его общечеловеческие черты, выделывал бунчуковскую сесть. Эти тусклые краски в какой-то мере мешали читателю опинуть силу и богатство изображаемого характера. Естественное, что Шолохов — зрелый художник, редактор романа, изменил портретный рисунок Бунчука. В этом же направлении уточняет Шолохов во втором томе и портретную характеристику председателя полкового ревкома, выступившего на митинг против Корнилова.

Исправления, внесенные в новое издание романа, свидетельствуют о постоянном стремлении Шолохова к предельно-правильному изображению действительности. Шолохов устраняет искажения, которые явились следствием недостаточного знания исторических источников или неправильного их осмысления. Правила жизни — вот основной критерий, которым руководствовался писатель, вновь и вновь возвращаясь к своим получившим всенародное признание произведениям.

3. С самого начала своего творческого пути Шолохов заявил себя художником того большого искусства, которое, сохраняя конкретность и правду изображения, одухотворено высокими идеалами. Творческий инстинкт Шолохова показывает, что такое прекрасное рождается в глубоко правдивом показе нелицеприимной борьбы между новым и старым. Записывая, украинство — все эти рваншистские ухищрения могут создать лишь буржуазные цветы, и как бы ни были они красивы, их мертвенное сияние никогда не возмужает, не затронет нас.

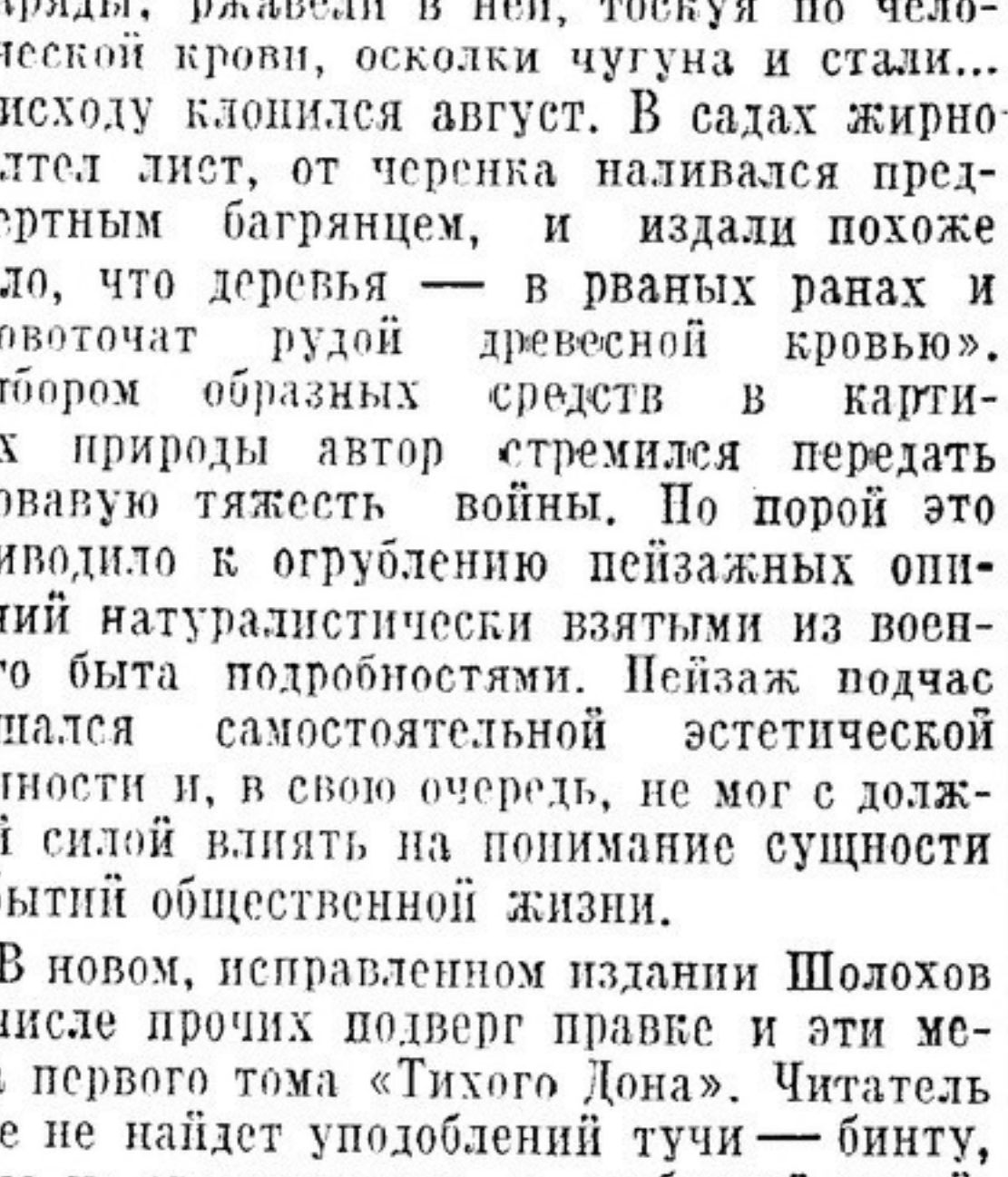
Теперь Шолохов показал, что не только в натуральном, но и в выделенном из него Шолоховым в исправленном издании. Эта правка весьма показательна. В некоторых произведениях 20-х годов коммунистическое изображение в отвлеченных романтических красках и представляли собой, по выражению Фурманова, весьма «фантастические» фигуры. Шолохов вслед за Фурмановым и Фадеевым стремился к реалистическому изображению коммунистов. Но эти правильные устремления привели иногда молодого писателя к пошловатым крайностям. В облике Бунчука Шолохов, стараясь передать его общечеловеческие черты, выделывал бунчуковскую сесть. Эти тусклые краски в какой-то мере мешали читателю опинуть силу и богатство изображаемого характера. Естественное, что Шолохов — зрелый художник, редактор романа, изменил портретный рисунок Бунчука. В этом же направлении уточняет Шолохов во втором томе и портретную характеристику председателя полкового ревкома, выступившего на митинг против Корнилова.

Исправления, внесенные в новое издание романа, свидетельствуют о постоянном стремлении Шолохова к предельно-правильному изображению действительности. Шолохов устраняет искажения, которые явились следствием недостаточного знания исторических источников или неправильного их осмысления. Правила жизни — вот основной критерий, которым руководствовался писатель, вновь и вновь возвращаясь к своим получившим всенародное признание произведениям.

Исправления, внесенные в новое издание романа, свидетельствуют о постоянном стремлении Шолохова к предельно-правильному изображению действительности. Шолохов устраняет искажения, которые явились следствием недостаточного знания исторических источников или неправильного их осмысления. Правила жизни — вот основной критерий, которым руководствовался писатель, вновь и вновь возвращаясь к своим получившим всенародное признание произведениям.

Исправления, внесенные в новое издание романа, свидетельствуют о постоянном стремлении Шолохова к предельно-правильному изображению действительности. Шолохов устраняет искажения, которые явились следствием недостаточного знания исторических источников или неправильного их осмысления. Правила жизни — вот основной критерий, которым руководствовался писатель, вновь и вновь возвращаясь к своим получившим всенародное признание произведениям.

КИПИТ КОТЕЛ «ЕВРОПЕЙСКОЙ АРМИИ»...

Аденауэр — Франци: — Прошу к столу, соседка! Рисунок худ. Тару из румынского журнала «Флакэра»

«Над местечком в высь — рубленой раной желтый развал молодого месяца». Кровь, жертвы, тяжёлые бои получили образное воплощение и в развёрнутых пейзажных описаниях. «Там, где шли бои, хмурое лицо земли оспой взрыли снаряды; ржавды в ней, тоскуя по человеческой крови, осколки чугуна и стали... Исходно клопаш август. В садах жирно желтел свет, от черника наливался предсмертным багрянцем, и издали похуже было, что деревья — в равных ранах и кровотоках рудой древесной кровью». Выбором образных средств в картинах природы автор стремился передать кровавую тяжесть войны. По порой это приводило к огрублению пейзажных описаний натуралистически взятым из военного быта подробностями. Неизбавно подчас линяла самостоятельная эстетическая ценность и, в свою очередь, не мог с должной силой влиять на понимание сущности событий общественной жизни.

В новом, исправленном издании Шолохов в числе прочих подверг правке и эти места первого тома «Тихого Дона». Читатель уже не найдет удоболюбивей тучи — бинту, луна не сравнивается с рубленой раной, луный свет — с «желтой гниной суворовцев». Все это теперь удалено художником. Добиваясь классической чистоты и прозрачности изображения, художник в новом издании удаляет все натуралистические или близкие к ним элементы и в пейзаже, и в бытовых картинах, и в портретных описаниях, и в языке.

С особой тщательностью и требовательностью в новом издании Шолохов подошел к языку. В свое время в печати раздавались критические голоса, говорившие о том, что в первых частях «Тихого Дона» наблюдается некоторая перегрузка диалектизмами. О том, что он «стремился» диалектизмами, писал и сам Шолохов, выступая в 1934 году на страницах «Литературной газеты» в дискуссии по вопросам языка.

Четвертый том «Тихого Дона», опубликованный в 1937—1940 годах, явился ярким свидетельством замечательного мастерства Шолохова. Язык этой последней книги романа, не утратив богатства и красочности живой народной речи, был свободен от излишеств в употреблении диалектизма и вулгаризмов. В речи персонажей сохранились лишь те диалектные слова, которые были непонятны всякому владеющему русским литературным языком.

В этом направлении проведена теперь Шолоховым работа над языком всех частей

«Тихого Дона». В новом издании писатель заменит большую часть диалектных слов общелитературными, причем эти изменения коснулись как авторской речи, так и речи персонажей. Часто употреблявшиеся писателем диалектные «кубышки» заменяются общепонятными «вроде», «аулиция» заменяется на «томила», «авалочечная» — на «заборониванная» и т. д. Наряду с устранением диалектизма и вулгаризмов Шолохов заменяет фонетически написанные слова общепринятым грамматическим.

Эта работа над языком показывает, что писатель заботится о том, чтобы сделать язык романа максимально доступным и понятным самым широким массам.

Но иногда (очень редко!) эта забота о чистоте и ясности языка приводит к некоторому обеднению и нарушению того особого, неповторимого колорита речи шолоховских героев, который так пленяет нас. Причем, как правило, это происходит тогда, когда Шолохов нарушает свой же творческий принцип: сохраняет в живой речи героев те диалектные слова и обороты, значение которых легко понятию всякому владеющему русским языком.

Вот, к примеру, как начинался разговор Пантелея Прокофьевича Мелехова со своим кумом в старых изданиях «Тихого Дона»:

«— Новая ничего не слыхал? — Новья? Ничего бубить не слыхал. А что?»

И вот как он прозвучал после исправления:

«— Нового ничего не слыхал? — Нового? Ничего не слыхал. А что?»

Тут есть какая-то утрата, — пусть маленькая, но все же утрача живого звучания народного говора.

Вся работа Шолохова по исправлению языка романа показывает, что забота о чистоте и ясности языка не имеет ничего общего с холодной пуританской требовательностью литературной правильности и внешней грамотности. В «Тихом Доне» Шолохов черпал из родника народной речи, и в романе звучит поразительно по богатству своих оттенков, по образности и меткости характеристике язык талантливого русского народа.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕИЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, И. ПОГОДИН, С. СМIRHOV.

В. Г. Ячевецкий (В. Яч)

Советская литература посылала большую утрату. Умер Василий Григорьевич Ячевецкий (В. Яч), один из старейших советских писателей, талантливый мастер жанра исторического романа.

Отличительной чертой В. Яча была большая любовь к родному краю, ненасытная жажда познания мира. Он многие годы провел в путешествиях, стремясь лучше и ближе познать жизнь, быт, историю народа. Особое внимание В. Яч привлекала Средняя Азия.

Во времена русско-японской войны В. Яч отправился на места боевых действий, чтобы ближе, лучше познать героизм солдат и матросов.

Широко известны и любимы нашими читателями талантливые исторические романы В. Яча «Чингис-хан» и «Батый». За роман «Чингис-хан» В. Яч в 1942 году был удостоен Сталинской премии I степени.

Его произведения «Финикийский корабль», «Огнь половецкая», «Никита и Микитка» пользуются большим успехом у детей.

Память об ослепленном, трудолюбивом писателе, неутомимом путешественнике, скромном человеке, Василии Григорьевиче Ячевецком будет жить в наших сердцах.

А. Фадеев, А. Сурков, К. Симонов, Н. Хазанов, Л. Леонов, Н. Грибачев, А. Твардовский, А. Коков, М. Корнеев, К. Пискунов, С. Голубов, А. Шихов, И. Кремлев, Д. Романенко, З. Касрипа, П. Скоквер, М. Марин, Е. Ланин, В. Язвицкий.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый тов. редактор! Просим передать через Вашу газету нашу искреннюю признательность всем организациям и лицам, выразившим свое соболезнование по поводу постигшего нас большого горя — кончины нашего дорогого Садриддина Саидмурадовича Айна.

Семья АЙНИ

ИСПРАВЛЕНИЕ ОШИБКИ

В подлинном фотокопированном опубликованном на первой странице № 88 «Литературной газеты» (24 июля с. г.), по вине фотокопировщика, допущена ошибка. Подпись следует читать: «Валтийский флот. Крейсер «Адмирал Ушаков»».